

Николай Гуськов

ОБ ОДНОЙ СТАРИННОЙ ПРЕМИИ ЗА КНИГУ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Статья посвящена конкурсу, объявленному в 1776 г. в Брешии на лучшие новеллы нравоучительного характера, предназначенные подросткам от 8 до 14 лет. На примере этого конкурса рассматривается процесс формирования модели функционирования детской литературы, установившейся впоследствии и, в целом, действующей до сих пор. В лице учредителя премии графа Карло Беттони (1725–1786) общество, осознавшее необходимость создать для нравственного и социального воспитания молодежи особого рода литературу, ориентированную на психологические особенности и эстетические потребности юного читателя, поощряет писателей к такой деятельности. Критики (в данном случае это группа профессоров Падуанского университета) выступают как эксперты, оценивающие труды писателей. В статье рассматриваются новеллы Франческо Соаве (1743–1806), присланные на конкурс и признанные лучшим сочинением, прослеживается его педагогический и творческий путь, раскрывается новаторство его творчества, обращенного к детям. Кратко характеризуется подход к созданию текстов для детей основного соперника Соаве — Джироламо Падовани (1733–1803), который занимал более консервативную позицию по отношению к детской литературе. В приложении даны новеллы Ф. Соаве в переводе автора статьи, на русском языке эти тексты публикуются впервые.

Ключевые слова: итальянская детская литература XVIII века, нравоучительная проза для детей, новелла, Франческо Соаве, Джироламо Падовани, литературный конкурс детской книги

В истории итальянской детской литературы обращает на себя внимание эпизод, мало известный сегодня даже специалистам. Речь идет о конкурсе, объявленном в 1776 г.: «...граф Карло Беттони из Брешии внес Миланскому Патриотическому обществу 100

Николай Александрович Гуськов
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
kakto@mail.ru

цехинов для объявления конкурса на книжку для детей („25 морально-назидательных рассказов“). — Пишет автор советского учебника по детской литературе З. М. Потапова. — Достойного, однако, не нашлось, и конкурс Беттони заглох. Тем не менее начало было положено, и в 1782 году появились предназначенные для детей шестнадцать „Моральных новелл“ падре Франческо Зоаве (1772–1806). Художественных достоинств в них фактически нет, персонажи безжизненны, их поступки лишь риторически иллюстрируют нравственные истины. И все-таки эти новеллы... издавались в Италии около ста раз и переводились на другие языки» [Потапова 1982, 69–70].

Внимание автора статьи привлекло имя Франческо Соаве, упомянутое З. М. Потаповой (она передает его фамилию на русском языке как Зоаве). За исключением неверно указанного года рождения писателя (не мог же он напечатать книгу в 10 лет!), ход событий изложен здесь точно, но слишком кратко. Остается неясным: если новеллы Соаве столь примитивны и лишены эстетических достоинств, почему они переиздавались столь часто и даже переводились? Чем они так выделялись на современном им фоне и что собою представляли? Ответить на эти вопросы предполагается в настоящей статье, дополненной переводом пяти новелл Соаве, впервые публикующихся на русском языке. Знакомство с историей премии, учрежденной графом Беттони¹, и с тем наследием итальянских просветителей XVIII в., которое непосредственно адресовано юношеству, расширяет наши представления о путях формирования детской литературы.

Мемуарист XIX в. Н. П. Колюпанов упоминает, что Соаве состоял «профессором поэзии и красноречия в университете в Падуе, стремился к поднятию уровня образования и к замене устаревших педагогических приемов новыми и усовершенствованными, его „Novelle morali“ содержат небольшие рассказы нравственного содержания, отличающиеся простотой и изящным языком (вопреки цитированному мнению Потаповой — *Н. Г.*). Он имел большой успех в Италии и во Франции» [Колюпанов 1889, 67–68]. Небольшая биографическая заметка о Соаве включена в энциклопедию Брокгауза и Ефрона, в других справочниках писатель упоминается вскользь, фигурируя то в исследованиях о творчестве Петрарки, то в трудах по истории философии и психологии. Эти сведения, которыми ограничиваются русские источники, крайне скудны², и автор статьи видит свою цель в их дополнении.

Франческо Соаве (Francesco Soave) родился в швейцарском городе Лугано в 1743 г. в большой и небогатой семье. Ему удалось окончить Институт св. Антония, и в 1760 г. он отправился в Милан, где принял духовный сан в монашеском братстве Сомаски³. Завершив богословское образование в Павии и Риме, он занял кафедру словесности папжеского корпуса в Парме, а в 1768 г. кафедру поэзии в университете Пармы. Здесь Соаве вошел в окружение просвещенного реформатора премьер-министра Л. Г. дю Тийо⁴. Даже если молодой священник увлекся просветительской философией раньше, общение с жившим тогда в Парме аббатом Э. Б. де Кондильяком и его единомышленниками оказало на него несомненное влияние: религиозное мировоззрение, изначально ориентируемое братством Сомаски на благотворительность, соединилось с теориями Дж. Локка и определило дальнейшую деятельность Соаве. При преобразовании Пармского университета взамен изгнанного ретроградного духовенства требовались как раз такие лояльные к светской науке и власти энтузиасты для современной трактовки традиционных лекционных курсов и введения новых. Особенно близко Соаве сошелся и долго сотрудничал с видным впоследствии естествоиспытателем, путешественником, архивистом Карло Аморетти (1741–1816). Оба они в 1772 г. после перемены политического режима в Парме (опалы и бегства дю Тийо и возвышения клерикалов-консерваторов) переехали в другой центр просветительского движения — Милан, принадлежавший Австрии. Управлявший Ломбардией граф К. И. фон Фирмиан проводил сходные реформы, в том числе обновление университетов, и охотно предоставил Соаве кафедру в Палатинской школе дворца Брера. Новый профессор с энтузиазмом включился и в реформу низших учебных заведений, начатую здесь в 1786 г. императором Иосифом II⁵, и основал 18 февраля 1788 г. в Брера первую в Ломбардии государственную начальную школу. Соаве и Аморетти, сперва при участии видных ученых, выпускали с 1775 г. «Избранные интересные сочиненьица [opuscoli — *Н. Г.*], переведенные с разных языков» — серию популярных очерков (чаще переводных), знакомящих читателей с основами естествознания, включая последние открытия. Под разными названиями это периодическое издание с перерывами просуществовало около 30 лет, а Соаве был активным его сотрудником в течение первого десятилетия. В 1796 г. Милан захватили французские войска, и Соаве как автор контрреволюционного памфлета «Подлинная идея революции во Франции. Письмо Гличе Черезиано к другу» (1793) был вынужден бежать и скитаться, скры-

ваясь от завоевателей, до провозглашения в 1802 г. итальянской республики. В самом конце жизненного пути он достиг высших почестей⁶, скончался в Парме в 1806 г.

В историю Соаве вошел прежде всего как педагог — теоретик и практик. Он замыкает собою ряд ученых священнослужителей эпохи Просвещения, благотворителей и наставников, вдохновленных новейшими светскими теориями. Это и аббаты-литераторы: автор «Похождений Телемака» Ф. Фенелон; сочинитель «Путешествия юного Анахарсиса в Греции» Ж.-Ж. Бартеlemi, упоминавшийся Кондильяк, вольнодумец А. Ф. Прево; это и основоположники филантропической педагогики — Х.-Г. Зальцман, И.-Г. Кампе. При всем своем несходстве они соединили церковную дидактику с салонным философствованием и чувствительной предприимчивостью своего века. Сочувствуя просветительскому учению, Соаве пришел к мысли о необходимости хороших книг для первоначального чтения, ведь именно из них человек, рождающийся с сознанием, подобным чистому листу, черпает правильные сведения о мире и жизненные принципы, не искаженные предрассудками, невежеством и суетностью желаний. Книги должны обладать высоким качеством, т.к. они несут юношеству важнейшие идеи. Осуществлением таких установок и были «Нравоучительные новеллы», напечатанные в 1782 г., пережившие огромное и разнообразное наследие автора⁷ и ставшие одним из первых образцов итальянской детской литературы. Правда, импульсом к созданию сборника послужили не долг монаха Сомаски или верноподданного преобразователя школ, а материальное поощрение, предложенное меценатом. Таков отпечаток эпохи, сочетавшей благотворительность с прагматизмом.

В № 108 «Энциклопедических новостей» от 7 сентября 1776 г. сообщалось о премии для выполнивших следующую задачу:

Истолковать в 25 новеллах или истинные, или правдоподобно поданные основные практические добродетели, так чтобы образовалось подобие курса нравственной философии. Посредством этого должна в особенности объясняться любовь к нашим ближним...

Эти новеллы должны быть приноровлены к пониманию отроков от восьми и примерно до двенадцати-четырнадцати лет. Они должны быть написаны чистейшим итальянским языком, приятны, остроумны, эффектны, в них должны быть рассеяны живые и яркие черты, патетические образы, совокупно предназначенные к тому, чтобы услаждать души отроков, воспламенить их к добродетели, обогатить дух здоровыми и полезными идеями, речь — чистыми и изящными оборотами, сердце — приличными и благородными чувствами. ...чтобы легче всего

затронуть детскую душу, уместно придать лицам, выведенным в рассказах, лучше нежный отроческий возраст, нежели зрелый [Padovani 1824, 5–6]⁸.

Новеллы (было прислано 270 текстов) принимались с ноября 1778 г. по май 1779 г. анонимно, под девизами. Судьями избрали трех профессоров Падуанского университета: филологов-классиков и поэтов — священника Клементе Сибиллато (1719–1795), отвергшего духовный сан Мельхиора Чезаротти (1730–1808), а также математика и физика Симеона Филиппоса Стратигоса (1733–1829), грека по происхождению. Их вердикт был таков:

...новеллы, для того, чтобы удовлетворить всем заданным запросам, должны сочетать в себе следующие черты: 1) достоинства в изобретении или, по крайней мере, в разработке темы; 2) выбор истинных или правдоподобных человеческих поступков — интересных, приуроченных к предмету и к разумению юношей, придуманные или построенные таким образом, чтобы сущность выявлялась новым и ясным способом; 3) неброская прелесть, оправданные изящество и разнообразие слога, неизменно приятного и интересного. После тщательного соотнесения с такой моделью, мы полагаем... более одного автора обладают каждым из этих признаков, но ни одному не удалось сочетать их... Среди собственно новелл⁹ нам кажутся наиболее ценными или заслуживающими внимания те, которые имеют девиз «Respicere exemplar vitae»¹⁰ и другие, озаглавленные «Нравоучительные рассказы для молодежи». Как одни, так и другие назидательны и удачны по стилю и красноречию, но первым, помимо известного однообразия манеры, почти совсем недостает достоинств в изобретательности; вторые же довольно часто по преимуществу проповеди, а не новеллы [Padovani 1824, 6–7].

Первая из книг, признанных комиссией наиболее удачными, сочинена Соаве, вторая — Джироламо Падовани¹¹. В дальнейшем сборник Соаве был напечатан на личные средства организатора конкурса, К. Беттони, который намеревался при переиздании добавить и несколько новелл своего сочинения; Падовани же он послал 50 цехинов (половину премии). Тот, однако, не был этим удовлетворен. Его сборник (издан в 1781 г. с посвящением «великолепному городу Брешии») открывается обширной «Новеллой о новеллах» [Padovani 1781, 5–20], где изложены история, условия конкурса и решение судей. Их пристрастность и несостоятельность Падовани обличает в восьми пунктах текста в манере иезуитской риторики: выстраивает запутанные логические цепочки, подменяет понятия,

то отводя от себя подозрения в корысти, то перечисляя все, что обязаны были бы предоставить конкурсантам судьи, и превращает малейшие детали в повод для сокрушительных обвинений. Соаве, напротив, открывает сборник пространным хвалебным посвящением меценату, где с салонной изысканностью и легким самоуничтожением, извиняется за разглашение имени благотворителя, благодарит судей за благосклонность, выражает надежду на то, что новые новеллы окажутся совершеннее прежних, и излагает свои творческие установки.

Конкурс 1776–1779 гг. демонстрирует один из ранних случаев взаимодействия трех сторон, обеспечивавших в дальнейшем функционирование детской литературы в разных национальных культурах. Первая в лице графа Беттони дает социальный заказ детскому писателю. На взгляд нашего современника, он традиционен, между тем само требование ориентировать курс моральной философии на восприятие именно подростками, учесть их возрастные особенности и пристрастия звучало ново и свидетельствовало о потребности в книгах, непосредственно адресованных юному читателю. Просвещенное общество нуждалось в детской литературе для воспитания порядочного человека и достойного гражданина (в программе сформулирован принцип, напоминающий идею разумного эгоизма). Интересно, что эти нравственные и социальные задачи Беттони считал возможным решить лишь одновременно с психологическими и эстетическими. Для него важно, чтобы книга была не только поучительной и полезной, но и увлекательной, интересной, стилистически эффектной, в чем он видел единственный способ успешно воздействовать на юного читателя.

Вторая сторона — эксперты, дающие детской литературе оценку, осмысляющие ее опыт. Критика обычно выступала выразительницей социального заказа, воспринимая текст для детей исключительно как средство обучения или воспитания. К независимому, тем более филологическому подходу она обратилась далеко не сразу, тем удивительнее встретить его подобие, пусть и упрощенное, у судей состязания XVIII столетия. Традиций оценки детской книги тогда еще не сложилось, университетские ученые избрали привычные им принципы анализа материала, и все же их позиция представляется прогрессивной. Падовани, обиженный тем, что его сочинения недооценили, чутко уловил своеобразие установки экспертов и опротестовал ее. Во-первых, стремясь к объективности, судьи выработали систему критериев оценки материала, которая кажется писателю XVIII в. противоречащей условиям конкурса,

хотя на самом деле лишь конкретизирует задание. Во-вторых, предвосхищая идею диалектического единства формы и содержания, свойственную романтической критике, судьи конкурса, видимо, полагали, что нравственная проблематика должна проявиться через композицию, сюжет, построение характеров, стиль и т. д. Поэтому критерии анализа касаются исключительно литературной отделки, отмеченной, впрочем, и в условиях конкурса. Для Падовани как для духовной особы такой подход казался опасным недомыслием и даже вольнодумством. Признавая важность стилистических достоинств, за которые его похвалили, писатель указал, что они относятся к сфере риторики, а заказанные 25 новелл должны стать учебником добродетели, а не красноречия [Padovani 1781, 11–12]. Имея успешный опыт составления пособия по моральной философии в Ферраре, ученый иезуит утверждал в споре с экспертами, что оценка должна определяться не эстетической, а дидактической сущностью текста (даже жанровая природа которого — басня это или новелла — не принципиальна), и защищал своего соперника от упреков в однообразии тона.

Третья и главная сторона — авторы, пытающиеся реализовать запросы общества и предвосхитить ожидания экспертов. И Соаве, и Падовани, несмотря на долгий педагогический опыт, впервые выступили в роли детских писателей. На первый взгляд, разница между их сочинениями невелика, но их творческие установки, на наш взгляд, воплощают два различных направления в детской литературе, которые будут определять последующее ее развитие.

Падовани — консерватор: следуя традиции, он не видит специфики в задачах книги, обращенной к подросткам, и пишет так же, как писал бы для взрослых, с негодованием отвергая новаторскую мысль об увлекательности и наглядности как средствах лучшего внедрения пользы в детское сознание. Будучи лицом духовным, он игнорировал отличия художественных текстов от учебных; первые, вероятно, представляются ему суетными и не слишком полезными юношеству. Привычный к абстрактным рассуждениям и руководствуясь верой, он пренебрежительно отнесся к требованию конкретизации поучений и правдоподобия описаний, иронизируя над тем, что лишённые этих качеств апологи отклонены от участия в конкурсе. Главный упрек, который судьи предъявляли рассказам Падовани, но не понятый и не принятый им, совершенно справедлив: его тексты, действительно, больше похожи на проповеди, чем на новеллы. Показательны заглавия большинства из них: «Любовь к родителям», «Непослушание», «Скромность», «Упрямство»,

«Доверчивость духа», «Доверчивость сердца», «Ложные основания, которые принимаются за истинные», «Величие души», «Сила страстей», «Обманчивость страстей» и т. д. Внимание сконцентрировано на абстракциях. Рассказы строятся как назидательные рассуждения, подкрепленные примерами, где персонажи, как правило, лишены индивидуальных черт, оценены однозначно, событийный ряд минимален. Это настоящий учебник, демонстрирующий череду пороков и добродетелей; преобладают темы глубины веры, благочестия, послушания вышестоящим от Господа до родителей и наставников, умения подавлять страсти. Этот круг проблем традиционен еще для средневековой дидактической книги. Правда, Падовани касается и популярных в его эпоху вопросов, например, вреда предрассудков и фанатизма. Дополняя в 1792 г. сборник вторым томом, он учел опыт соперника, и многие его поздние новеллы напоминают произведения Соаве. У сочинений Падовани были свои ценители. «Выбор предметов и простота стиля делают эти рассказы поучительными и приятными для большей части тех, кто любит забавляться чтением хороших книг», — писал анонимный современник [Giornale 1793, 262]. Однако вскоре этот писатель был забыт.

Соаве обращался к тем же темам, что и Падовани, но его позиция отличалась несомненным новаторством. Понимание детства сформировалось у него под влиянием просветительских идей: он видел в ребенке естественного человека, но, в отличие от немецких педагогов филантропической школы, которые уподобляли дитя крестьянину, живущему среди природы по ее законам, Соаве сближал подростков с первобытными народами:

Всякий, если бы взялся рассмотреть то, что о варварских и диких народах рассказывают нам историки и путешественники, и то, что опыт нам являет ежедневно в детях, не мог бы не обнаружить с очевидностью между, так сказать, детством наций и детством, присущим всем людям, величайшего сходства. ...и те, и другие безраздельно верят собственному тому, чем могут обладать, и всякое присвоение считают законным, потому получается, что в применении силы они полагают главное свое достоинство... они в высшей степени довольны любым несчастьем, которое приходит к ближнему; <...> ...оттого они нетерпимы к малейшему злу или к беспокойствам, которые по отношению к ним исходят от посторонних, и бывают в высшей степени охвачены гневом, чрезвычайно яростными в отмщении; так что слишком мало испытывают сострадания к чужим несчастьям, о коих недостаточно знают или не заботятся... ничтожно мало ощущают они и сладостные побуждения благотвори-

тельности, пока не оказываются понуждаемы к ней по частным поводам любви или дружбы. ...есть лишь одна-единственная причина того, почему дикие народы так напоминают детей: поскольку их разум слишком медленно и слишком мало развивается, они навсегда остаются детьми. Покуда разум не возьмет над сердцем человека власть, страсти обладают им слепо и разнузданно [Soave 1782, V–VII].

Соаве явно не склонен к модной в конце XVIII в. идеализации естественного существа. Вслед за ранними просветителями отводя главную роль разумному опыту, который должен выявлять пагубность страстей, подавлять и контролировать их, писатель видит в детях, как и в первобытных варварах, неполноценных людей, в чьих душах звериные инстинкты: злоба, алчность, вера в право сильного и наслаждение насилием над слабым, своевольное потворство низменным желанием, из-за недостатка опыта не озарены светом разума, им неведомо счастье альтруизма.

Дикие народы не выходят из этого варварства, разве что очень долгий опыт заставит их увидеть в множестве различных случаев тот вред, который всякому приносит безудержное и необузданное применение силы, и ту пользу, которая рождается от установления взаимного вспомоществования. В таком же точно опыте нуждаются и дети, чтоб выйти из своего... естественного варварства: одних наставлений не довольно, чтобы уравновесить силу страстей; ...всякий, кто любит видеть юношей своевременно проникнувших теми чувствами, кои должны будут впоследствии руководить их поведением, должен изыскивать особый способ накапливать пред глазами юношей факты, восполняя живым изображением то, что в них не может быть само по себе засвидетельствовано, и заставлять таким образом, чтобы они опыт других обратили в свой собственный [Soave 1782, VIII–IX].

Итак, Соаве признавал именно воспитание личности (восполнение недостаточности собственного опыта за счет чужого) — главной задачей литературы, четко противопоставляя произведения, предназначенные для взрослых и для детей:

Страсть, поскольку она допускает великое многообразие злоключений, предоставляет самое широкое и свободное поле воображению для того, чтоб разнообразить сюжеты и придать им интерес... Однако природу и проявления этой страсти не должно изъяснять детям младшего возраста. Они, напротив, нуждаются в рассказах, которые явили бы им великие примеры справедливости, благотворительности, которые вселили бы в них отвращение и ненависть ко всему, что им известно о плутовстве, о высокомерии и о варварстве, которые внушили бы их

душам глубочайшее уважение к священным и непреложным заповедям и как его следствие — совершеннейшую порядочность, которую воодушевили бы сладостные чувства сыновней и братской любви, дружбы, благодарности, сострадания и щедрости [Soave 1782, IX–X].

Сформировавшаяся личность с прочной системой нравственных убеждений неуязвима для самых эффектных и прельстительных изображений порока. Детальный и неоднозначный психологизм драматургии и романа XVIII в., по мнению Соаве, не слишком опасен взрослому читателю, но вреден юношеству, ибо возбуждая страсти, не содействует нравственному и социальному воспитанию.

Эксперты конкурса, справедливо сочли манеру Соаве однообразной по тону, зато тематически его книга (особенно после добавления в 1784 г. и расширения в 1786 г. второго тома) чрезвычайно разнообразна:

...поскольку моим намерением было снабдить... наставлениями и примерами, которые могли бы послужить... не только в первые годы, но и в течение всей жизни, то я вывел в новеллах лиц всех возрастов и любых состояний, а в качестве доказательств я избрал разного рода факты, почерпнутые отчасти из истории и из романов с той переменной обстоятельностью, которая казалась мне наиболее спешествующей поставленной мною цели, отчасти собранные из частных рассказов или ненапечатанных преданий, отчасти вымышленные по жизненному подобию [Soave 1782, XIV].

В сборник вошла малая проза наиболее популярных в ту эпоху жанровых разновидностей: философские повести, стилизованные под восточную притчу, действие которых происходит в Аравии (один подобный текст есть и у Падовани), Персии, Китае; авантюрная новелла со множеством перипетий, путешествиями в далекие колонии, поединками, придворными интригами, преступлениями; анекдоты в старинном понимании этого слова — любопытное историческое или современное происшествие; пересказ отрывков из сентиментального романа Ф. Шеридан¹², («Сидней и Патти», «Сидней и Уорнер»: Том 1, новеллы 8–9: далее номера тома и новеллы приводятся в скобках после заглавия). Напряженность и запутанность интриги, аффектация страстей и иные приемы экспериментальных форм беллетристики и драматургии тех лет делали увлекательными самые расхожие и примитивные назидательные сюжеты. Разнообразен и репертуар порицаемых или восхваляемых чувств. Соаве волнует очень многое, помимо того, на чем сосредоточился Падовани: например, пропаганда просвещенного абсолютиз-

ма, рассуждения о естественном равенстве людей и новой системе воспитания (в том числе женского), восходящей к Дж. Локку, борьбы против предрассудков и тиранического произвола и т. д. В качестве примеров писатель предпочитает факты из жизни исторических личностей, причем чаще не знаменитых героев былых эпох, а живших недавно или современников. В большинстве рассказов не менее важную роль играют материальные проблемы: идет речь о жажде роскоши, расточительности, погоне за наживой, делажах наследства (именно они служат проверкой братской любви — «Два брата»: 1, 15; «Щедрый брат»: 2, 15), банкротствах, рациональном ведении хозяйства, тяготах нищеты. Такими ситуациями испытывается нравственность героев. В «Жадности» (2, 5) девушка, решившаяся из корысти отравить благодетельницу, наказана по заслугам, Антонио же Леонелли из одноименной новеллы (1, 13) вознагражден за то, что в крайней нужде преодолел искушение и не пошел на преступление. Писатель выступает сыном своей эпохи гуманизма и меркантилизма, философов на троне и сословной кастовости. Как священник, и как рационалист Соаве противостоит суевериям и обличает их. К концу столетия усиливаются увлечения мистикой, которые разоблачаются в одной из популярнейших новелл «Ночные призраки» (2, 10): юный герцог, ночуя в замке, знаменитом привидениями, обратил их в бегство, но попал в западню к фальшивомонетчикам, которые для прикрытия преступлений поддерживают предрассудки.

Рассказы красноречиво характеризуют политическую позицию их автора. Ниже приведена новелла «Любовь к Отечеству» (2, 9), вызвавшая много подражаний, она ставит Соаве в ряд предшественников движения за национальное освобождение и объединение Италии.

Каждый том сборника открывается примером мудрости и чувствительности царствующего австрийского императора Иосифа II (1780–1790), гуманного по отношению к подданным: то переодетый, подобно Гаруну-аль-Рашиду, монарх, гуляя неузнанным по Вене, спасает целое семейство («Большая вдова»: 1, 1), то прозорливо и хитроумно, как судья в анекдоте о плутовстве, изобличает преступника («Украденные драгоценности»: 2, 2). Здесь обнаруживается не только желание верноподданно угодить власти, но подлинная симпатия к просвещенному монарху, в чьих реформах Соаве участвовал вполне искренне [Пизери 2023]. Идеальный правитель появляется в сборнике неоднократно: в китайской повести «Тио-ганг» (1, 16), согласно литературной моде того времени, как

вымышленная и абстрактная фигура в экзотической обстановке, в иных текстах как историческая личность. Основатель Филадельфии («города братской любви»), губернатор английских колоний в Америке Вильям Пенн (1644–1718) в одноименной новелле (2, 18) прославляется за гуманное отношение к побежденным индейцам. Эта новелла злободневна: она сочинена вскоре после провозглашения независимости североамериканских Соединенных Штатов и в период споров о естественном равенстве народов. В амплу идеального правителя выступают и церковные иерархи: римский кардинал Энеа-Сильвио Пикколомини (1709–1768) разоблачает мошенничество художника, который хотел нажиться на шедевре Рафаэля, купленном за бесценок у почтенного бедняка («Картина»: 1, 3). Речь идет не о прославленном прелате давней эпохи, а о современнике, возможно — и личном знакомом автора, как и в новеллах об архиепископе ошском д'Апшоне («Изобретательное благодеяние»: 2, 6; «Пожар»: 2, 7)¹³.

На легендарном и историческом материале разработан в сборнике и популярный в литературе эпохи Просвещения образ тирана, который в финале либо получает заслуженное возмездие, либо исправляется. Первый вариант сюжета эффектно подан в новеллах «Дамон и Пития» (1, 4), «Этельред» (1, 5) и особенно «Вильгельм Тель» (1, 14). Раскаявшийся тиран представлен в лице современника — правителя княжества Майсур в южной Индии Хайдар-Али (1720–1782), много лет успешно сопротивлявшегося английской колонизации. Он публично признает свою вину перед опальным воеводой, который, в свою очередь, тоже проявляет величие души и в гонениях, и в милости. По мнению автора, душевное благородство, неотделимое от простоты и естественности, — неотъемлемая черта великой личности. Это доказано на примере анекдота о прославленном полководце маршале Тюренне (2, 11).

Как последователь Локка, причины добродетелей и пороков и высокопоставленных, и обычных людей Соаве видит в их воспитании. В новеллах «Граф д'Оранж, или Воспитание» (2, 3), «Удачный обмен» (2, 14), «Супружество» (2, 8) он изложил свои педагогические взгляды и привел пример того, как формируется идеальная личность. Последние две посвящены новой и дискуссионной в те времена проблеме женского воспитания.

Центральной же (в силу принадлежности автора к филантропическому ордену и приверженности идеям просветителей) остается идея милосердия:

Среди чувств то, которое стремился я пробудить в особенности, — чувство сострадания. Это основание всех общественных добродетелей: человек сострадательный всегда воздержится от того, чтобы нанести другому бесчестье или ущерб — и хорошо сделает; изыщет способ исправить или предупредить чужое злодеяние всеми возможными усилиями — и да будет благословен: о большем нельзя и мечтать [Soave 1782, XIII].

Щедрость, самопожертвование ради ближнего превозносится автором. Купец прощает огромные долги юному банкроту, зная его честность, помогает тому восстановить состояние — и оказывается сам с прибылью («Банкротство»: 2, 16); неизвестный, оказавшийся философом-просветителем бароном Шарлем де Монтескье, выкупил купца, попавшего в плен пиратам и проданного в рабство, но не сознался в своем благодеянии («Выкупленный раб»: 2, 12); а юный купец, будучи в Алжире, выкупил из рабства двух красавиц, женился на одной из них, и через два года случайно выяснилось, что она дочь сицилийского короля («Ричард Маквилл»: 1, 2). Наряду с великодушием и милосердием, сильным побуждением к поступкам, по Соаве, является благодарность («Тереза Бальдуччи»: 1, 6); наибольшее осуждение заслуживает предательство («Федерико Лануччи»: 1, 10; «Бальдасаре де Лама»: 2, 13). Показателен сюжет «Неблагодарности» (2, 17), где молодой англичанин, спасенный полюбившей его дикаркой, увез ее с собою и продал в рабство, но во время следующего путешествия был схвачен и казнен дикарями. Здесь особенно ярко проявилась идея естественного равенства людей — одна из ключевых в просветительском учении. Соаве подчеркивает, что высокопоставленным и богатым людям труднее переносить несчастья, чем прочим, и им следует особенно сострадать и помогать. Добродетели и пороки, сильные чувства и глубокие мысли, право на симпатию и осуждение в одинаковой мере присущи всем героям новелл, среди которых есть монархи, вельможи и епископы (в том числе весьма известные), рядовые дворяне, купцы, горожане, поселяне, слуги, рабы. Заметно, что Соаве учитывал опыт слезной драмы и новейшего психологического романа. Заметно и сильное влияние сентиментализма. Дружба («Пиппо и Меникуччо»: 1, 11, «Дамон и Пития»), супружеская любовь («Этельред») представлены как благодетельные, но бурные и неистовые страсти. Герои постоянно рыдают, трепещут, бросаются друг другу в объятия, лишаются чувств. Такое поведение не чуждо даже злодеям. Жена часового, до полусмерти замерзшего на посту, подменяет его, а когда обман раскрыт, легко добивается жалости судей, отменяю-

ших смертный приговор нарушителю устава («Любящая супруга»: 2, 4). Нередко между героями разыгрывается так называемый «торг добродетелей»: каждый стремится оказаться великодушнее ближнего, принося ради него значительную жертву.

Большой интерес представляет перечисление художественных средств, которые применены для достижения поставленных задач:

...я занялся живым описанием всяческих бедствий и всяческих злополучий людей в различных их обстоятельствах в таких размерах, которые казались мне соответствующими определенной краткости, с которой нераздельно то, чему следует учить юношей; затем я позаботился также о том, чтобы почти всегда предоставлять им удовольствие видеть, как сии несчастья устраняются и заранее вкусить тот чистый и сладчайший восторг, коим сопровождаются упражнения в благотворительности. <...> В расположении новелл я придерживался лишь того порядка, который мог бы способствовать наибольшему их разнообразию; ибо раз я старался здесь не дать методические поучения, а возбудить чувства, не имело смысла предоставлять одной из новелл первенство перед другой; разделение же их на те, в коих содержатся аналогичные чувства, потребно для того, чтобы вызвать в некоторых читателях прежде уже испытанное и прочнее запечатлеть это в душе. Я обычно воздерживался от того, чтобы указывать в начале новеллы мораль, которая в ней заключена, и потому, что я старался, чтобы каждая из них содержала одновременно больше единственного наставления, и потому еще, что люблю, когда юноши самостоятельно добиваются до поучительной сути факта. Ничего не скажу о стиле, кроме того, что я стремился придать ему ту простоту, которая мне кажется наиболее совместимой с природой вещей, представленных мною [Soave 1782, XIII–XV].

В отличие от Падовани, Соаве стремился сочетать краткость и увлекательность изложения, чтобы не утомить юного читателя и завоевать его внимание и симпатию. Несмотря на разнообразие сюжетов и героев, он постоянно возвращается к одним и тем же темам, к аналогичным ситуациям. В финале все персонажи получают по заслугам: порок наказан или приведен к покаянию, непреклонная добродетель вознаграждается. С одной стороны, Соаве знал любовь публики, особенно юной, к счастливым развязкам, с другой — так назидание делалось особенно убедительным для наивного сознания и воспитывалась вера в торжество божественных добра и истины:

...для того, чтобы вселить постоянное отвращение к пороку и живую любовь к добродетели, недостаточно рисовать уродство одного и красоту другой, потребно еще показывать тот вред, который проистекает

от первого, и те блага, кои от второй могут воспоследовать. Следовательно, я сосредоточил внимание на том, чтобы в этих новеллах злодеяния оказались наказаны, а благодеяния всегда вознаграждены, дабы, избегая порока и следуя добродетели, юноши были бы увлечены сверхвластным и всеобщим побуждением: я имею в виду любовь к истинному благу [Soave 1782, XII–XIII].

Новаторством Соаве является желание разработать в каждой новелле сразу несколько взаимосвязанных проблем, тем самым уклоняясь от прямолинейной однозначности традиционной дидактической литературы. Соаве пытался писать просто, избегая абстрактных поучений, заменяя их конкретными образами. Сопереживание героям, размышление над их поступками — едва ли не важнейшее новаторство новелл Соаве. Речь его крайне проста лексически, отражает разговорный диалект тех северных областей Италии, где он жил, чередует чувствительные и патетические тирады, написанные книжным слогом с разговорными оборотами, не чуждаясь иронии, но сохраняя серьезный тон. Отторжение комизма было сознательным, Соаве предполагал, что юмористический тон приведет к легкомысленному, пренебрежительному восприятию читателем нравственных заповедей:

Я полагал первоначально, что для достижения поставленной цели серьезные аргументы предпочтительнее, чем забавные: последние могут более увлечь, но плод их обыкновенно сводится к тому, чтобы развлечь и принудить смеяться — ничего более. Ведь если в смешном есть некая польза, то она в том, чтобы исправлять мелкие недостатки общества, которые мало значат, а не исходные пороки, кои в детях преимущественно должно принуждать исторгнуть или пресечь. Они просятся быть представлены в отвратительном, но не забавном виде, поскольку тот, кто привык смеяться над бесчестными поступками, подвержен большому риску со временем попустить рассмотрение их как шуточные действия. Поэтому слишком важно, чтобы юношам было внушено ко всему, что противно обязанностям и законам, наибольшее отвращение, и чтобы в них одновременно была возбуждена любовь к добродетели, которая не может утвердиться за счет смешного; короче говоря, подумаем об образовании их сердец, а не о том, чтобы позабавить их, именно на первое я главным образом направлял свои усилия [Soave 1782, XI–XII].

Отказ от комического звучит в творческой программе Соаве архаично, но в остальном она, как и установки графа Беттони и профессоров-экспертов, отразила прогрессивные тенденции формирования детской литературы, которое одновременно

осуществлялось в Германии И.-Г. Кампе и другими педагогами-филантропами, во Франции А. Беркенем, в России чуть позднее Н. И. Новиковым и сотрудниками его издательства, а кое в чем даже опередила свою эпоху.

Хотя в 1779 г. премия в Брешии так и не была присуждена, описанные в этой статье события не остались без последствий. С 1785 г., по инициативе Беттони, конкурс ежегодно возобновлялся в Милане. Всего награду получили 10 новелл (в 1789, 1790, 1793, 1794 гг.)¹⁴. В посмертных переизданиях новелл Соаве их помещали в качестве приложения. Востребованность «Нравоучительных новелл» поражает. Не только в разных городах Италии они выходили десятки раз¹⁵, но многократно печатались и в городах других стран: в Лондоне и Эдинбурге (с английскими примечаниями в качестве пособия по итальянскому языку), Лионе, Ницце, Авиньоне, Марселе, Брюсселе, Париже¹⁶, переводились на немецкий (Лейпциг, 1787) и французский (Париж, 1802; 1807). По этим рассказам учились не только иностранцы, но и соотечественники Соаве: в течение XIX в. его книга служила для первоначального чтения и воспринималась детскими писателями (Луиджи Парравичини и др.) как хрестоматийный образец, отклики на который появлялись вплоть до сочинений Э. Де Амичиса¹⁷.

Опыты перевода произведений Соаве на русский язык предпринимались еще при жизни писателя. Так, Михаилом Хлюстиным напечатана «одна из 14 нравоучительных сказок, написанных Франческом Соавом, новейшим итальянским сочинителем» — «Али-мек, или благополучие. Арабская сказка» (1795), переложенная с французского посредника. Видный представитель романтического движения О. М. Сомов перевел с итальянского заключительную новеллу второго тома и всего цикла — «Вильям Пенн» (1819). Не исключено, что и другие рассказы в переводах или пересказах рассеяны по периодическим изданиям и детским сборникам конца XVIII — начала XIX вв. и еще ожидают атрибуции. К середине XIX в. вкусы публики меняются и востребованность в переводах подобных текстов исчезает. 14 октября 1844 г. ректор Санкт-Петербургского университета П. А. Плетнев в письме профессору Я. К. Гроту из столицы в Гельсингфорс спрашивал об итальянской книге, содержащей «небольшие повести Соаве»: «Не имеешь ли ты о них понятия, и стоят ли они купли?». Грот отвечал 18 октября: «„Повести Соаве“ — старье, не стоящее перевода» [Грот, Плетнев 1896, 330–331, 334]. Судя по всему, и позднее сборник не привлекал переводчиков.

Именно поэтому ниже предлагается перевод пяти новелл Соаве для того, чтобы русские читатели могли составить о них мнение. Переводчик стремился сделать текст понятным русскому читателю, поэтому грамматический и синтаксический строй новелл Соаве в полной мере сохранить не смог. Вместе с тем для создания духа эпохи, по возможности, стиль приближен к слогу прозы конца XVIII в. Перевод осуществлен по первому изданию рассказов «*Novelle morali*» (1782) [Soave 1782] и «*Novelle morali. V. 2.*» (1784) [Soave 1784].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Франческо Соаве
Нравоучительные новеллы
Том I. Новелла VI
Тереза Бальдуччи

Исполнилось два года, как Тереза Бальдуччи, дворянка из Флоренции, вдова, проживала с двумя сыновьями. Они, владельцы богатого наследства, вышедшие уже из-под опеки и не сдерживаемые более никакой уздой и побуждаемые пагубными приятелями, предались во власть всем безрассудствам опрометчивой юности. Тщетно мать стремилась доводами, мольбами, плачем отговорить их от вредных привычек, но ее больше не слушали. Старший из братьев проживал все время во Флоренции, младший же пустился путешествовать по Италии.

Однажды вечером, когда удрученная мать пребывала в одиночестве, оплакивая беспутства своих сыновей, увидела она, как вдруг распахнулись двери и вошел поспешно чужеземец, бледный и запыхавшийся, со взором мутным и испуганным, лицом опечаленным и смущенным и с окровавленной шпагой в руке. При столь внезапном видении она вскочила от ужаса, но чужеземец, бросаясь к ее ногам: «Ах, возьмите же, — сказал, — сострадание к несчастливцу! Я римлянин¹⁾, всего несколько дней как прибывший. Окончив дела, кои привели меня сюда, возвращался я только что в гостиницу, чтоб приготовиться к отъезду. Неподалеку отсюда встречается мне некий незнакомец, который, проходя мимо хамски меня толкает. Я возмущаюсь его неотесанной манерой, он к невежливости добавляет оскорбления и попреки, я негодную, он усугубляет свои грубости

¹⁾В XVIII в. Флоренция принадлежала Австрии, Римская область находилась под властью папы.

и дерзает даже спесиво мне угрожать. Выведенный из терпения сим нахальством я обнажил шпагу, он сделал то же и раненный ударом пал наземь. Небесам известно, сколь скорблю я о сем невольном преступлении. Но вы, сударыня, возымейте сострадание к злополучному. Смущенный и вне себя, я пустился незамедлительно в бегство; не ведая, куда податься, я осмелился проникнуть в этот дом, который удача позволила мне найти отпертым. Ах, не противьтесь же, чтоб он послужил мне убежищем на несколько часов, покуда, укрытый от розысков, которые могли бы последовать, я сумел бы в самое темное ночное время обеспечить себе бегство». Дама оцепенела от ужаса при сем рассказе; черное предчувствие наполнило ее тысячью переживаний, но не внемля в ту минуту ничему, кроме голосов человеколюбия и сострадания, она впустила его в свою уборную и там заперла.

Нетщетны были предчувствия несчастной матери. Прошло несколько мгновений, и она услышала новый шум и, бледная, вышедши в залу, видит пред собой, как вносят ее сына, у коего из широкой раны в груди изливались потоки крови. Она издала ужасающий крик, а сын, обессиленный и обескровленный, который уже чуял близость рокового мгновения, собрав последние силы и обратившись к матери сказал: «Вы взираете на пример справедливой кары Небес: я ее заслужил; да послужит же, по крайней мере, моя смерть брату моему предостережением. Если мой убийца будет задержан, вы, матушка, подайте ему защиту. Он неповинен — я сам то заявил!»

По сих словах он испустил дух, а обеспамятевшая мать пала на него и лишилась сознания. Отнятая от окровавленного и охладелого сыновнего трупа, долго оставалась она в состоянии, заставлявшем опасаться за ее жизнь; это проистекало от великого душевного напряжения и от опустошившего ее безудержного рыдания. Она ежеминутно принималась взывать к своему сыну, желала постоянно вновь увидеть его и крайние усилия требовались, чтоб отторгнуть ее от него.

Тем временем каковы были горе и волнение молодого чужестранца, который из уборной, где был заперт, слышал весь переполох и ощущал весь ужас той трагической сцены, в коей, по несчастию, сыграл он главную роль. С одной стороны, сожаление о том, что он причинил несчастье почтенной матери, побуждали в нем желание, чтобы, напротив, это он пал бы под ударом своего неприятеля; с другой стороны, страх быть обнаруженным при каждом новом движении, при всяком новом шуме леденили ему кровь.

В таком томлении он пребывал до самой полуночи, когда уже все успокоилось, и горе матери уступило место размышлениям, она пошла в уборную и отперла ее. Юноша распростерся ниц у ее ног: «Небеса, — сказал он, — Небеса призываю я во свидетели того, что желал бы скорее всю кровь мою отдать...». — «Встаньте! — сказала Дама, — Вы сделали меня самой несчастной женщиной, которая когда-либо существовала! Однако я знаю вашу невиновность. Мой сын велел мне защитить Вас, и это мой долг. Скоро явится двуколка, чтоб вызволить Вас отсюда: один из моих слуг сопроводит Вас до границы; сей кошелек окажет Вам поддержку; да пошлет Вам Небо тот душевный покой, который Вы у меня похитили».

Юный римлянин ощутил, что пред этой щедростью тает от горя и нежности: «Ах, никогда, — сказал он, — никогда не сумею я простить самого себя за то, что принес печаль такой достойной преклонения даме». Он принес ей тысячу клятв, поцеловал тысячу раз ее руку, благословил ее и уехал в слезах, решившись употребить все, чтоб засвидетельствовать ей, когда представится случай и средство, свое сожаление и свою признательность.

Фортуна не замедлила предоставить ему к тому повод. Едва проехав Витербо¹⁾, наткнулись они на юношу, который, будучи атакован двумя грабителями, с большим трудом оборонялся. Римлянин прыгает с двуколки, летит, чтобы помочь и нападавшие пускаются в бегство, но юноша оказался ранен. Римлянин взял его с собой; в Витербо спасенный вежливо его поблагодарил, а поскольку, по счастью, ранение было легким, очень скоро выздоровел. Тысячу благодарений принес спасенный юноша своему избавителю, но кто может выразить удовлетворение и ликование, которые сей последний возымел, когда постиг, что это как раз брат того самого, коего он столь злополучно убил во Флоренции. Нежно обняв его: «Сколько благодарений, — сказал он, — должен вознести я Небу за то, что мне предоставлен способ некоторым образом возместить благодеяние, которое от Вашей достойной всяческого почтения матери я получил. Навечно оно запечатлено в моей душе и никогда всей моей признательностью вполне не будет оплачена. Вы же поспешите между тем проведать ее: она имеет крайнюю нужду до Вас, она вздыхает по Вам с тревогою. Скажите ей, что тот, кому она спасла жизнь, возымел удачный случай услужить ради нее Вам, все же прочее он желает чтобы осталось исключительно меж ним и ею».

¹⁾Город между Флоренцией и Римом на территории Папской области.

Ужасная неожиданность явилась пред юным Бальдуччи, когда прибыл он во Флоренцию и узнал от матери, что случилось. Он должен был признать в одной особе убийцу своего брата и собственного избавителя; в нем пробудилось смешение чувств, которые странным образом сражались одно с другим. Когда же он услышал, что тот неповинен, ослабла неприязнь, которую он сперва испытал, и чувство благодарности за жизнь, коею был он тому обязан, возымело всю свою силу. Оплакивая смерть брата, он не мог не постараться, чтобы убийца остался не при чем. Между тем два пугающие примера, которые были пред его очами, произвели на него глубокое впечатление. Он узрел, к каким опасностям влекут заблуждения беспутной юности, изменил совершенно образ жизни и своим разумным поведением утешил, наконец, мать от горькой потери, которая ее постигла.

Новелла X Федерико Лануччи

Невинность бывает принуждена претерпевать ужасные преследования, но в конце концов она все же торжествует к позору и ущербу клеветы и злобы. Вот пример тому.

Когда Пиза и Флоренция составляли две отдельные республики и обе были долгое время сотрясаемы междоусобными войнами гвельфов и гибеллинов¹⁾, случилось во Флоренции так, что Антонио Бадинелли, который был из гвельфов, присовокупив к доводам своей партии иные частные доводы, замыслил против Федерико Лануччи, который был из гибеллинов, самую свирепую вражду. Встретив его однажды вне городских стен, прогуливающегося в одиночестве вдоль Арно, он принялся раздражать его издали оскорбительными и непристойными остротами, а затем, обнажив меч, полон злобы, побежал ударить его. Лануччи, вынужденный обороняться, стойко встретил врага, а после долгого поединка, когда при отступлении тот упал наземь, был уже с мечом у его горла и повелел не делать движений: «Теперь ты видишь, — сказал, — что твоя жизнь в моих руках, я тебе ее тем не менее охотно даю, но с условием, что

¹⁾Флоренция и Пиза — города в Тоскане (средняя Италия) на берегах реки Арно. Борьба между партиями гвельфов и гибеллинов происходила в итальянских городах в XI–XIV вв. Первые поддерживали влияние римского папы и выражали настроения буржуазии, вторые отстаивали интересы феодалов и предпочитали подчинение германскому императору. Во Флоренции победили гвельфы, в Пизе — гибеллины. Исторических сведений о персонажах найти не удалось.

всякая личная вражда с этого мгновения будет между нами окончена». Бандинелли, обретавшийся в такой крайности, все обещал, но едва великодушный противник отступил, поднявшись в ярости нанес удар, дабы пронзить его. Лануччи едва хватило времени, чтоб заслониться; после, подвигнутый глубоким негодованием, он сказал: «Подлая душа — сказал он, — так ты хочешь смерти любой ценою; ну, умри же», — и, жестоко ударив, оставил того в луже крови.

Обретя приют у друга в Пизе, он вскоре написал во Флоренцию, поскольку имел намерение оправдаться. Однако, к его злополучию, несправедливый Бандинелли был еще жив. Обнаружили его через некоторое время крестьяне, оказавшиеся на той дороге, ими он был доставлен во Флоренцию, а рана, хотя и тяжелейшая, была признана не смертельной. Плут, присовокупив к древней неприязни злобу и ярость от поражения, измыслил самые черные напраслины. Отсутствие свидетелей, которые сумели бы опровергнуть его, придало ему величайшую отвагу. Он сказал, что предательски был атакован, предательски же и ранен; вся партия гвельфов воздвиглась против Лануччи, и несчастный, несмотря на свою неповинность и на свои возражения, был объявлен совершенно вне закона и оказался несправедливо лишенным всего своего имущества.

Друг его Бельфьоре после того, как использовал все средства для его защиты, великодушно предоставил ему во Флоренции постоянный приют: это было единственное убежище, которое оставалось ему в его суровых невзгодах. Однако оные вскоре должны были сделаться еще более жестокими и более ужасными. Комната, где спал Лануччи, была отделена от комнаты щедрого друга маленькой залой, которая размещалась посередине и их соединяла. Однажды ночью он почивал, но пробудился, услышав внезапно шум, как показалось ему, из залы. Он высвободил голову из покрывал, напряг слух, но не внемлет более ничего. Уверившись, что это ему почудилось, он улегся сызнова, но спустя несколько мгновений вновь услышал тихий стон, который донесся, как ему показалось, из комнаты друга. Он подскочил на постели, как ошпаренный, и удвоил внимание: стон возобновился, но слабее. Тогда, обеспокоенный, он вбежал в комнату Бельфьоре и многократно воззвал к нему: никто не отвечал; он приблизился к ложу, ищет друга, встряхнул его — тот не пробуждается. Сотрясаемый множеством страхов, он возвратился в свою комнату, зажег светильник и возвратился с ним к ложу Бельфьоре — зрелище ужасающее: он обрел несчастного друга, плавающим в крови и слабо старающимся испустить

последний вздох, со своим кинжалом в горле. Он испустил вопль, увидя это, выронил из рук светильник, повергся на тело Бельфьоре и остался без чувств.

Шум между тем разбудил прислугу и принудил ее отовсюду сбежаться. Входят и видят жуткую сцену: хозяин убит, Лануччи весь в крови простерт на нем, с неподвижным взором, с бледным и искаженным лицом и со свечой у ног, еще дымящейся. Все совокупно исторгают крик ужаса — Лануччи воспрял и в неистовстве подымается: «Ах, где — зовет, — где разбойник, предатель! Этот кинжал, тот самый, который не могу я вонзить злодею целиком в его утробу!.. Несчастный друг! Злополучный Бельфьоре!..» — и, сокрушенный рыданиями, вновь на теле друга обеспамятел. Смущенные, потрясенные, охваченные ужасом пребывают все, и никто не ведает ни что сказать, ни что подумать.

На следующее утро новость о жутком происшествии распространилась вскоре повсеместно, и вся Пиза была ею полна. Были задержаны незамедлительно все, кто находился в доме убитого Бельфьоре, и среди прочих также злополучный Лануччи. Кто мог бы сказать, сколь сожалел он, что оказался замешан среди тех, кто мог быть обвинен в сем проклятом убийстве. Однако же, к несчастью, все улики указывали только на него. Место, в коем он был застигнут, кровь, коей он был замаран, бледность и смятение, которые были запечатлены на его лице, только что погасший светильник, бывший у его ног, слава предателя, еще прежде пришедшая к нему во Флоренции — все это были голоса, которые звали о его виновности. Осознав подозрение, которое против него утверждалось, он впал в еще более жестокую тоску: «Мне ль, — говорил он, — мне ль убить единственного друга, которого имел я в мире; того, кому обязан я сим слабым остатком жизни, ненавистной мне ныне; тот, кого любил я более себя самого и ради кого всю кровь до последней капли пожертвовал бы тысячу раз; мне убить его варварски! Собственными моими руками погубить его! И в каком облик! Ночью, спящего под покровом и под защитой гостеприимства и дружбы! Столь немилосердную и презренную душу, значит, можно во мне подозревать? Значит, на эту ступень крайнего унижения я низвергнут! Боже праведный! Боже карающий! Не довольно ли ты меня испытал? Злодей, коему я дарую жизнь, изменнически меня бьет, принуждает пронзить его, к моему прискорбию; я обвинен как трусливый убийца, навечно отторгнут от отечества и от близких; лишен всего имущества! Друг меня великодушно принимает, употребляет всякое средство, чтоб подсластить мое жестокое зло-

получие, он единственная поддержка, которая мне остается; лишь ради него я все еще соглашаюсь жить — сей друг немилосердно у меня исторгнут; я не могу даже изобличить предателя, не могу обрести удовольствие, по крайней мере, в том, чтоб отомстить ему; и покуда горе от сей ужасающей потери раздирает и гнетет мне душу, оказываюсь я обвиненным в подобной прежней, но злейшей измене? Это я-то? Должен ли был я ждать еще и такого удара?»

Сказавши так, остался он в глубочайшем изнеможении. Однако все это не устраняло подозрений, не разрушало улики, которые, казалось, слишком явно говорили против него. В сенате был некто тронутый его горем и искренностью настроений, которую в нем постиг, посмеявшийся приняться защищать его; но большинство приписывало его тоску притворству или раскаянию, говорили, что слишком убедительны были доказательства его преступления, что предательство, совершенное во Флоренции, усугубляет дело, что строгость законов должно уважать, что жестокость преступления требовала примерного наказания, которое народ бы уразумел и которое невозможно было откладывать — несчастный почти единогласно был осужден.

Новость о роковом приговоре была ему сообщена, когда он, растерзанный жесточайшим горем, простертый на земле в цепях, сам себе возопил: «Я осужден за его убийство! Поверили, что я предатель! а ты, праведный Боже! им попускаеши!» Когда он услышал прочтенный приговор, который объявлял его повинным в смерти, то впал в предельное неистовство, какого может достичь человек чувствительный, сознающий свою безгрешность и зрящий себя униженным; как человек чести, оказавшийся отвратительнейшим образом ославлен; нежный друг, который после горести от невозможности защитить любой ценой своего спасителя, слышит, что присовокуплено еще публично и навечно черное обвинение, что он того убил. После неистовства явилось смятение и затем совершенное исчезновение сил, которое казалось подобным смерти. Затем только возобновилось впадение в новое, более жестокое волнение и следующее за ним возвращение в изнеможение: в столь страшных перепадах он провел всю ночь. Окружающие рыдали и тщетно уговаривали его принять свершившееся — он был движим не страхом смерти: сие мгновение после утраты друга стал он рассматривать как завершение своих бед; мрачная мысль о том, что именно он объявлен сотворившим убийство, была единственным, что неумолимо его терзало.

Наконец на подмогу изможденному естеству поспешило религиозное чувство. В одно из мгновений успокоения он сосредоточил внимательный взор на распятии, которое было положено пред ним. Недвижный, некоторое время созерцал он образ. В то время, как был он погружен в свои мысли, мнилось ему, что нежный и любящий голос вешает его душе: «Я был еще безгрешнее, чем ты, однако же видишь, к какому концу был я приведен». Уязвленный сим божественным голосом, он внезапно поднимается, обнимает святой образ и с нежностью прижал его к груди: «Боже мой! — возглашает, — Боже мой! ты победил! Прости же мои безумные порывы: от смерти, от поношения я более не уклоняюсь; я не подражал тебе при жизни — счастлив, что хотя бы издали могу следовать тебе по смерти. Слишком достойный друг и слишком несчастливый! Верный твой Лануччи летит к тебе! Могучая неправда не пожелала, чтоб мне со временем довелось предать в твои руки твоего жестокого убийцу; теперь, по крайней мере, иду довольный тем, что обниму тебя. О, поспеши, поспеши, роковое мгновенье! Я по нему вздыхаю!».

Так говоря, он разразился сладостным плачем, который извлек слезный ток у всех то наблюдавших. Никто теперь уж не усомнился бы в его невиновности, всякий желал ему спасения, всякий бы сделался поручителем за него; нарастающий ропот поднимался уже со всех сторон; шептались, что следует приостановить слишком поспешный приговор, что необходимы новое расследование и новые проверки, что со временем может быть изобличен преступник, что Лануччи не может не быть невиновен, что требовались в итоге отсрочка и большая тщательность; многие утвердились уже в том, чтоб торжественно обратиться к судьям; все общественное мнение уже было за него, когда своевременно прибыл подтвердить оное посланец, поспешавший во весь дух из Флоренции, и наполнил Пизу радостью и ликованием.

Погубителем Бельфоре был наемный убийца, посланный жестокосердым Бандинелли, чтоб зарезать Лануччи. Злодей, не удовольствовавшись тем, что его неприятель из-за клеветнических обвинений утратил все имущество и подвергся вечному изгнанию, хотел еще зреть его и лишенным жизни. Негодяю он посулил огромнейшую плату, которая того вполне устроила. Сей последний отправившись в Пизу и разведав там все, что надлежало, тайно проник в дом Бельфоре и, укрываясь там до самой полуночи, в полном мраке и безмолвии вышел, чтоб исполнить злодейский свой умысел. Однако вместо того, чтоб заколоть Лануччи, в смятении того ужасного мгновения изменив направление из одной комнаты в дру-

гую, он убил Бельфьоре. Поспешно бежав из Пизы, он был позднее возле Флоренции застигнут врасплох себе подобным, коего злодей Бандинелли послал, чтоб устранить его с дороги, опасаясь, что он может быть разоблачен и сознается, от кого получил приказ убить Лануччи. Однако новое вероломство отвратительного чудовища как раз обернулось его крушением и здравием для неправедно преследуемого неприятеля. Убийца Бельфьоре, смертельно раненный, когда увидел себя в крайности, раскрыл тайну убийства, совершенного в Пизе по приказу Бандинелли, и, задержав последнего, тотчас послали в Пизу спешного гонца, чтобы тот принес весть о произошедшем.

Ликование всего народа, который обрел уже к несчастному Лануччи живой интерес, было бесконечно. Однако малого не доставало для того, чтобы счастливое известие вместо того, чтоб исцелить его, ускорило бы его смерть. Услышав вдруг признание своей невинности, он испытал внезапное душевное потрясение, так что упал без дыхания и почти без жизни. Мало-помалу оказанная помощь его воскресила, и он был с торжественными почестями исторгнут из тюрьмы и возвращен к прежней своей свободе. Между тем негодяй Бандинелли сознался не только в убийствах, которые заказал, но также и в клевете, которою еще прежде унизил своего неповинного противника, и был наказан за все свои злодеяния, как надлежало. Лануччи, напротив, почетным указом был возвращен во Флоренцию и принят там почти с триумфом; он незамедлительно был введен во владение своим имуществом, к коему была, кроме того, присовокуплена и доля того, чем владел Бандинелли. Никогда, однако же, не смог он утешиться из-за смерти друга своего Бельфьоре, в коей хоть и был он непосредственно неповинен, но послужил злополучнейшей причиной ее.

Новелла XI Пиппо и Меникуччо

Рожденные в одном селении близ Салерно¹⁾, живя всегда и раста вместе, Пиппо и Меникуччо²⁾ с нежнейшего возраста заключили самую тесную и самую нежную дружбу. Казалось, что один не мог находиться без другого; со вниманием взирали друг на друга; общими были их занятия и развлечения; едиными были желания обоих. Когда Пиппо в возрасте 11 лет остался без родителей, по поручению

¹⁾ Салерно — город на юге Италии близ Неаполя.

²⁾ Уменьшительные имена от Филипп и Доминик.

его отца родитель Меникуччо как опекун принял его в дом свой и взрастил как собственного сына. Так жили двое юношей, все более расположенных друг к другу, до двадцатилетнего возраста, когда неожиданная удача Пиппо разлучила их.

Был у него дядя, который покинул дом в юности, после разных путешествий и всяких превратностей обосновался в Кадиксе¹⁾ и, втершись к одному банкиру, ловкостью своей добился такого доверия, что получил единственную его дочь в супруги. Та ненадолго пережила смерть престарелого своего отца и оставила одного сына, который вскоре скончался. Дядя Пиппо сделался таким образом полным обладателем обильных богатств, и поскольку его постигла смерть, все наследство перешло к Пиппо, ибо тот был единственным, кто имел отношение к покойному.

Новость о том, достигшая Салерно, наполнила равной радостью обоих друзей; у Пиппо, вынужденного отбыть в Кадикс, не было большего сокрушения, нежели необходимость покинуть Меникуччо. Он просил того со слезами не вздумать его забыть, писать ему почаще, доставляя таким образом друг другу удовольствие хоть как-то побеседовать издалека; обещал со своей стороны, что не позволит почтальону отбыть без своего письма, что будет сохранять о нем самое сладостное и самое нежное воспоминание, что, поторопившись с делами и забрав наследство, поспешит вернуться в Салерно, чтобы разделить на двоих свою удачу.

В самом деле, некоторое время он держал свое слово. Письма, которые он писал, были полны самых любящих и самых любезных слов, никогда он не был столь доволен, как по прибытии ответов и новостей от Меникуччо; в пользу последнего он отказался сразу по прибытии в Кадикс от небольшого отцовского имения, которое было у него в Салерно, намереваясь вскоре сделать еще и большие благодеяния. Однако сей пыл и это попечение не много сумели продлиться.

Прежде чем Пиппо устроил все свои дела, собрал дядины капиталы, рассеянные по различным местам, вступил в полное владение наследством, он вынужден был провести в Кадиксе более трех лет. С конца первого года первоначальный пыл начал охладевать. Отдаленность, занятость, новые цели мало-помалу затмевали в нем память о друге. На второй год он писал тому уже лишь редко и прохладно. На третий год не отвечал даже на письма, и всякая

¹⁾Город в южной Испании. В 1503–1734 г. в состав этого государства входило и Неаполитанское королевство.

переписка прервалась. Большие богатства, обладателем которых он оказался, начали порождать в нем высокомерные помыслы о пышности и величии, и дружба Меникуччо уже не казалась ему достойной его положения. «Детская приязнь, — говорил он, — существует, откуда длится ранний возраст и поддерживают ее обстоятельства, коими была она порождена. Отроческая пора минула, переменялись обстоятельства, должна прекратиться и приязнь».

Первый раз, когда Меникуччо не обнаружил ответа, он решил, что письмо потерялось, написал повторно, снова не получив отклика. Он принялся мягко попрекать Пиппо за его молчание; видя, что продолжается все то же, он с дружеской вольностью, но вежливым тоном побранил за ослабшую нежность и за забвение. Пиппо, в котором слишком возросли спесь и гордыня, был раздражен: «Он еще смеет, — сказал Пиппо, — дерзить и упрекать? Приста-ло ли ему, право, брать на себя такую смелость! И он еще вправе сетовать на малое мое расположение после того, как я сдуру ссудил ему гораздо больше, чем он мог бы ожидать от своего отца! Можно возблагодарить-таки судьбу за то, что подобные мелочи не занимают больше моих мыслей; если бы этого не было, я сумел бы наказать его за спесь». За сим память о Меникуччо была совершенно упразднена: новые письма, которые от того воспоследовали, погибли брошенными в огонь, не будучи прочтены; всякий образ, даже всякое малейшее представление, которые относились бы к Меникуччо или близости с ним, исторгались незамедлительно, как нечто подлое и постыдное.

Закончив дела, Пиппо забрал все свои богатства и с пышностью прибыл в Неаполь. Здесь по тщеславию своему он домогался громкого титула, расточил сокровища, чтоб купить его, и вот Пиппо — принц Каландроне. Меникуччо, едва услышав о его прибытии, не подозревая свершившейся в его душе перемены и приписывая другой причине тянувшееся молчание, страстно желая, наряду с тем, изъявить ему неизменные свои горячность и признательность, поспешил в Неаполь, дабы обнять его. Его светлость принц Каландроне не удостоил его приемом. Не раз, однако, случалось, что новоявленный принц, влачась по самым многолюдным улицам в великолепной карете, где он полулежа надменно покоился, видел в толпе проходящих и узнавал смущенного Меникуччо, но всегда с омерзением отводил взгляд, словно его мutilо.

Меж тем, погруженный в себя и свои сокровища, он принялся разбрасывать их с размахом. Мало стоило ему приобрести их, мало стоило и расточить. Его дворец был украшен драгоценнейшей об-

становкой, и туда был открыт доступ всем прихлебателям, которые тотчас же не замедлили окружить хозяина; число слуг было как раз подходящим для самого высокородного государя; широко снабжаемые, они, однако, дерзали свободно пользоваться тем, что плыло им в руки. Последним и наиболее дорогостоящим модам строго соответствовали и наряды, и экипажи, и украшения всякого рода, а поскольку он почитал слишком низким и пошлым все, что рождено в пределах дурацкой Италии, все доставлялось за высокую плату из Лиона, из Парижа, из Лондона, из Гамбурга, из Амстердама, из Брюсселя вплоть до Копенгагена и Петербурга. Пиршества были продолжительны и обильны наиделикатнейшими угощениями, какие повар-француз только ухитрялся изготовить. Часто давались балы, и изысканность прохладительных напитков уподоблялась их изобилию. Его поместья оскудевали от всяческих обжор, которые ехали, съезжались и свободно проводили там время как и сколько им нравилось. Слишком легко постичь, как должна была разрастись за счет всех сих средств толпа угодников и льстецов; имя принца ди Каландроне звучало повсеместно: лишь он обладал самыми редкостными дарованиями; лишь он умел жить, как подобает; он был единственным образцом, которому надлежало бы подражать всякому господину. И добрый принц торжествовал, и задира л нос, и полными глотками упивался хвалами и славословиями, и, ветреник, вовсе не понимал уже себя самого.

Однако приятные забавы не продлились долго. Непомерные суммы, которые поглощало сие бездумное щегольство, не меньшие, расхищенные злыми людьми, коим он доверился, огромный ущерб, который причинила ему игра, в малый срок разорили его. Обремененный повсеместно множеством долгов, он вдруг оказался осажденным тучей заимодавцев, которые дома, и движимость, и все, что он имел, забрали целиком и полностью. Во время этой невзгоды льстецы, нахлебники и прочее подобное отродье, которое прежде его окружало с превеликим усердием, все исчезло в один миг. Одиноким и нищим, он, однако, утешал себя, надеясь обрести поддержку во множестве друзей, коих доставляло ему прежнее его богатство. Тщетное и безумное обольщение! Одни выказывали, что едва узнают его; иные искали любого случая, чтоб уклониться от него; были и те, кои достигли такой подлости, что поносили его и глумились над ним; самые неплохие притворялись, что сочувствуют ему, выражая в то же время бесконечное сожаление по поводу того, что не могут пособить ему. Сколь ужасающим уроком разочарования стало все это для него! Стесненный в средствах до крайней

нищеты и в отчаянии, он не знал, что делать. Он вспомнил тогда о Меникуччо, натуре мягкой, любящей, сострадательной, тот всегда являл себя его другом, и можно было надеяться на верную помощь, но как дерзнуть предстать пред ним после того, как надменно порвал с ним. Хотя нужда и толкала Пиппо, однако стыд его удерживал, и вместо того, чтоб отправиться в Салерно, он решил пуститься наудачу в Рим, чтоб сыскать там некий способ существования, надеясь прибыть туда неузнанным и не встретить тех, кто взглянув на него, унизил бы его.

С такими намерениями покинув Неаполь, прибыл он вечером к деревенскому дому, где попросил позволения провести ночь. Юная поселяночка, сидевшая там, с которой он заговорил, вежливо выслушала его. «Оставайтесь, — сказала она, — ежели то Вам угодно; мой муж вот-вот придет; он будет счастлив предоставить Вам все услуги, какие в состоянии оказать тем проезжающим, коим случается порой останавливаться здесь; Вы, без сомнения, хорошо устроитесь; войдите же и отдохните, покуда я пойду распорядиться теми немногими делами, кои у меня еще остались». Нищий принц вошел и был изумлен видом дома, который в своей простоте навевал отовсюду мысли о тихом изобилии. Меж тем, как он любовался ею, завидую участи счастливых обитателей сего жилища, явился и хозяин. «О небо! Что вижу я! — вскричал он, приметя того издали, — Меникуччо! Куда укрыться мне? куда провалиться?» Внезапный стыд воспламенил все его лицо, дрожь сотрясла все его члены.

Меникуччо мчал во весь опор в маленькой двуколке, но печаль была написана на лице его. Жена поспешила встретить его; вздыхая, он сказал ей: «Все мои розыски совсем не принесли пользы: он в отчаянии уехал из Неаполя, никто не смог указать мне — какое он избрал направление? Кто знает, что за цель он поставил себе, и что за печальный конец его ожидает!», Тут он не смог сдерживать рыданий, и слезы растроганной жены вторили ему. Потом она объявила о чужестранце, который только что прибыл и попросил приюта на нынешнюю ночь и что тот дожидается в зале. «О небо! — сказал Меникуччо, — хвала тебе! По крайней мере, у меня будет удовольствие принести кому-нибудь добро — эта поддержка мне так необходима, чтоб ободрить меня после печальной утраты возможности угодить моему другу. Ах, узнай я одним днем раньше о его несчастьи!...». Сказавши так, он поспешил в залу.

Пиппо, укрывшись в угол, закрывая руками лицо, которое горело, как в огне, и дрожа с головы до ног, не смел поднять глаз. Меникуччо, видя человека в таком положении, сначала поражен;

затем он приближается, всматривается — «Не грежу ль я? — приглядывается поближе, — Это точно он: кто б сомневался... Небо! Друг мой!» — и с распростертыми объятьями бросаясь к нему на шею, покрывает его поцелуями и слезами, не в силах ничего сказать. Пиппо находился в предельном смятении между радостью и стыдом. Меникуччо, подымаясь и снова прикикая к нему: «Вас ли я держу в моих объятьях? Неужто это Вы самый и есть? Ах, небо, небо не пожелало сделать меня несчастным, будь оно благо-словенно! Я только вчера узнал о Вашем злополучии. Нынче утром я помчался в Неаполь, чтоб разыскать Вас; после тысячи расспросов я услышал о Вашем отъезде, не узнав, куда именно; я более не надеялся обрести Вас; я был в крайней скорби, теперь же — счастливейший человек в мире!» — и тут пустился обнимать и целовать его сызнова.

Пиппо, растроганный и смущенный более, чем когда бы то ни было, силился сказать что-либо, но не умел сыскать слов; к тому же друг не давал ему и возможности, так продолжая: «Вы уже не великий господин — это правда, но у Вас есть довольно того, что могло бы Вас утешить. Вотчина, которую Вы вверили моему попечению, стоила десять тысяч дукатов¹⁾, примерно столько же я унаследовал от моего отца, на эти два капитала, соединив их вместе, я приобрел имение, которое Вы видите. Оно было в плохом состоянии, когда я вступил во владение им. Однако бдительным попечением я достиг того, что оно приносит мне ежегодно тысячу дукатов. Если продолжать попечение, то оно сможет в будущем приносить ежегодно и поболее того. Теперь мы его поделим, как принадлежащее нам обоим, на двоих, или же будем им управлять совместно, как Вам больше нравится. Вы за его счет сможете жить вполне обеспеченно».

Этому изъятию нежданного великодушия Пиппо не смог более противиться, разразившись безудержными рыданиями и нежно обнимая друга: «Ах, что за друга, что за несравненную душу принудила меня покинуть злополучная моя спесь! Я ощущаю всю цену Вашей щедрости и Вашей деликатности! Какое отличие от стольких мерзких душ, кои после того, как разорили меня вконец, жестоко-сердно оставили. Не думайте, однако же, что по причине моего несчастья я пожелаю злоупотребить Вашей щедростью — я не постыплю слишком недостойно. Вотчина, правление которой, как Вы говорите, я Вам вверил, была мною передана Вам в дар добровольно

¹⁾Монеты весом в 3, 5 г. золота 986 пробы.

и навечно, и теперь она Ваша: я не должен иметь на нее никакого права. Мое несчастье, как оно ни велико, было мною заслужено: уж одно то, сколь недостойно я покинул Вас стоило больших зол, и я обязан претерпеть сие. Куда б ни повела меня моя судьбина, мне довольно будет уж и того удовольствия, что мною вновь обретена Ваша дружба».

«Вы отнюдь ее не возвратили, — отвечив Меникуччо, — Вы ее ныне презираете, если думаете обо мне, что я отдалялся от Вас. Была ли то сдача на хранение или был то дар — оставленное мне Вами, теперь оно должно стать Вашим, и Вы не причините мне несправедливости, отказавшись принять его. Воспримите возвращение как деяние справедливости или дружбы — мне то не важно, но Вы должны принять его». — «Я не должен, я не могу, — возразил Пиппо, плача и рыдая все сильнее, — однако же я не буду столь неблагодарен, чтоб отдалиться когда-либо от такого друга, каковы Вы: я навечно пребуду с Вами, итак, впредь я положу все мое усердие и удовольствие, чтоб содействовать Вашему попечению; я окажусь слишком счастлив, если смогу отчасти своею покорностью загладить преступную несправедливость, которую я учинил Вам. О, душа щедрая, душа несравненная!» — «Ну, ладно, — ответил Меникуччо, — Вы останетесь; вот на чем я настаиваю: всем тем, что здесь есть, Вы пользуетесь свободно, как своею собственностью; вот чего я требую, а под каким именем — о том поговорим мы в другой раз. Вот тебе, дорогой мой друг, — прибавил он затем, обернувшись к жене, которая при столь нежной сцене не могла уже сдерживать слез, — после удачного дня, который соединил тебя со мною, ныне — прекраснейший и счастливейший день в моей жизни».

Пиппо продолжал долгое время приходить в себя от своего потрясения и смятения: «Что за несравненна душа! — повторял он ежечасно. — Какое отличие от столь многих душ, чьей корыстной и лживой дружбою так я гордился!»

Том II. Новелла VII

Пожар

Случилось однажды ночью в доме бедных жителей разгореться жесточайшему огню. Из комнаты первого этажа, где был он плохо погашен и плохо прикрыт, он начал охватывать все деревянное вблизи, затем сухую домашнюю рухлядь, бывшую вокруг,

достиг выхода и, объяв его, проник на лестницу, которая тоже была из дерева, и, по ней подымаясь, понес пламя вверх до самой крыши. Жильцы, вкушавшие еще первый сон, пробужденные дымом и треском пламени, побежали, чтоб спастись, на лестницу, но обнаружив, что она подожжена, начали отовсюду громко вопить. Испуганные их ором соседи встают и, поспешив, видят перед собою более, чем когда бы то ни было, устрашающую сцену: первый этаж уже весь в огне, который соединился в смежных комнатах и по потолкам уже проникал в верхние этажи; через крышу перекидывалось высочайшее пламя, произведенное огнем, поднявшимся туда по лестнице, а окна переполнены людьми, которые, запертые меж двух огней и лишенные того единственного спасения, что могла бы им предоставить лестница, отчаянно кричали, прося помощи. Не замедлили принести тотчас же кто с одной, а кто с другой стороны побольше переносных лестниц, которые, будучи прислонены к окнам, дали возможность тем несчастным выбраться оттуда и спастись. Некоторые, особенно храбрые, сами спускались по веревкам; те, кто находился в самых нижних окнах, прыгали из них на землю; все, наконец, кто одним способом, а кто другим счастливо оказались в живых. Лишь оставались двое малюток, которые находились в маленькой комнате на самом высоком этаже. Их отец, отсутствовавший тогда, состоя при хозяине, которому служил, оставил их, к несчастью, одних. Не имея возможности как-либо о себе позаботиться, они с плачем и воплями просили у других помощи; но, хотя каждый из окружающих ощущал, что сердце его разрывается от сострадания, никто не знал, как вызволить их. Другого выхода из комнаты, в которой они обретались, не было, кроме как через деревянную лоджию, которая вся уже была охвачена огнем; нельзя было иначе проникнуть в комнату, как войдя в окно соседней, с коей она сообщалась. Однако помимо того, что та находилась очень высоко, уже пламя туда проникло и очевидной казалась опасность погибнуть самому для того, кто пожелал бы таким путем искать их спасения. В этот миг явился его преосвященство д'Апшон¹⁾ и, увидя в столь жутких обстоятельствах ничтожных малюточек, ощутил,

¹⁾Клод-Марк-Антуан д'Апшон де Коргенон (Claude Marc Antoine d' Apchon de Corjenon, 1721–1783) — епископ Дижонский в 1755–1776 гг., затем до конца жизни — архиепископ Ошский. Послужив в молодости драгуном, в 26 лет он принял духовный сан, стремительно сделал карьеру и приобрел глубокое уважение своими отеческими наставлениями и широкой благотворительностью: получив назначение в край, опустошенный коровым мором, он на собственный счет купил 7 тысяч голов крупного рогатого скота и раздал крестьянам. Возглавляя один из богатейших церковных округов, он никогда не брал десятины. В опубликованной под иници-

что весь он подвигнут одушевлением сострадания и вместе с тем ужаса. Ему не казалась с другой стороны столь очевидной опасность, которой подвергся бы тот, кто взялся б вызволять их, и он громко принялся, чтоб воодушевить кого-нибудь на этот поступок, предлагать награду в сто луидоров²⁾. Не видя, чтобы кого-либо подвигло это предложение, и сомневаясь, что верят соразмерности вознаграждения риску, он им предлагает сразу двести. Однако это вовсе не воздействует: ведь каждому слишком дорога жизнь и он не ввергнет себя в опасность, чтобы испытывать ее, ни за какую цену.

Обнаружив тщетность всяких обещаний, благочестивейший и доблестнейший прелат воскликнул: «Богу, однако ж, не нравится, что все мы тут недвижнозираем на гибель там, среди пламени, этих двух несчастных жертв. Тогда на то, на что не дерзают другие, сумею дерзнуть я сам»; — и он сделал быстро лестницу (соединив две веревки, поскольку одна дотянуться туда не могла), приспособил ее к окну смежной комнаты, и смело забрался туда, через нее — туда, где они были, и с одним на спине, а с другим — в руке при

алами посмертной похвале архиепископу говорится о том, что благотворительность и авторитет его делали совершенно убедительными анекдоты о нем, помещавшиеся в газетах, и заставляли народ свято верить в такие благородные поступки, приписанные ему, которых он и не совершал. В качестве примера приведен сюжет, побудивший поэта Мирамона сочинить оду «Истинный прелат» и лежащий в основе комментируемой новеллы. В похвальном слове д'Апшону граф Л* Р**** рассуждал: «Вот что можно прочесть в большинстве [газет]: „Его преосв. Д'Апшон, архиепископ ошский, присутствуя на пожаре, который угрожал сему городу, узнал, что в одном из тех домов, где пламя особенно усилилось, остались женщина и ребенок; он предлагает 2000 ливров тому, кто преуспеет в их спасении, потом — тысячу эю и, наконец, 1200 ливров дохода. Видя, что всех очевидцев удерживает страх, он освобождается от сутаны, бросается в огонь и возвращается, держа в руках дитя: мать уже спаслась. Прелат предоставил ребенку доход в 1200 ливров, которые были им предложены“. Этот очерк достоин его сердца, но у него не было сил, чтобы такое осуществить, и не было в то время подобного пожара в Оше. Великое представление, которое о нем существовало, могло породить сей анекдот. Хочется, чтоб всегда изобретались только подобного рода факты: возвышая душу, они обращаются на благо человечества» [L* R**** 1784, 40–41]. Заметим, что прелату было в момент действия не менее 55 лет — возраст, не слишком подходящий для описанного подвига. Не исключено, что именно популярный сборник новелл Соаве способствовал распространению этого анекдота. Так в первом издании исторического словаря аббата Феллье, вышедшем в 1783 г., статья о д'Апшоне еще отсутствует, в 1797 г., уже после выхода итальянской книги, она появляется и повествует о спасении не одного ребенка, как в версии, процитированной в упомянутом выше похвальном слове, а двух, как у Соаве [Feller 1797, 272].

²⁾Французская монета весом около 8 г золота 917 пробы.

изумлении и возгласах потрясенного и умиленного народа по той же лестнице обоих привел к спасению.

Люди, такими сотворенные, отчего столь редки они в мире!
И почему, едва они родились, они во благо, а как пример для других они так быстро исчезают!

Новелла IX Любовь к Отечеству

Мы видим, сколь высоко чтимы и возвеличены древними писателями те, кои проявили себя умышленной смертью за родину, как Кодр¹⁾ среди греков, Марк Курций²⁾ и два Деция³⁾ среди римлян. Это верно, что невозможно совершить более благородного и более похвального деяния, нежели отдать себя ради здоровья другого. Однако тщетным предрассудком и слепым заблуждением побуждаемы были те древние, кои верили, что Марк Курций, когда бросился в пропасть, открывшуюся на римском Форуме, он укротил гнев богов и отвратил от Рима угрозу разорения; и что Кодр и Деции, когда они предстали без оружия и дали убить себя врагам, обеспечили тем победу согражданам; таким образом, в их случае намерение следует похвалить в большей степени, нежели деяние само по себе. Но смерть, столь же благородную по храбрости, как и у них, и намного более полезную по своему действию, на которую он пошел внезапно, встречаю я в начале сего столетия у человека, едва известного у нас, именуемого Пьетро Микка из земли д'Андорно, который знаменитостью и славой мог бы превзойти упомянутых древних, если бы нашлось такое же число превосходных писателей, которые взялись бы восхвалять и его.

Был город Турин в 1706 году осажден мощным войском французов, и, хотя осажденные предприняли против них крепкую и усердную оборону: и обезвреживая или расстраивая атаки врагов, и нанося им урон продолжительным огнем, учиняемым со стен, и частыми и неожиданными вылазками, однако же они за три месяца

¹⁾ Мифический царь Аттики, принес себя в жертву за свободу родины: узнав от оракула, что враги не завоюют Греции, если погибнет царь, явился в неприятельский стан и принудил оскорблением воина убить себя.

²⁾ Легендарный римский юноша, бросившийся на коне и в полном вооружении в пропасть, разверзшуюся на римском Форуме. Заделать ее не удалось, и оракул изрек, что следует принести в жертву этому месту самое дорогое. Курций заявил, что самое дорогое в Риме — оружие и доблесть его сынов.

³⁾ Римляне — отец и сын, бросившиеся в гущу битвы с врагом, чтобы, принеся свои жизни в жертву подземным богам, купить победу своему войску.

упорной осады уже продвинулись настолько, что многие внешние укрепления почти все уже подпали под их власть, и осталось только одно, которое было удалено от разбитой цитадели и подавляемо их ближними орудиями, не могло более оказывать сопротивления.

Градоправитель, которым был граф ди Даун¹⁾, видя, что это последнее прибежище неприятели приготавливаются крепко атаковать, и уже расположены насупротив ужасные их батареи, велел своим минерам, чтоб они подземными путями изловчились туда пробраться и внезапным взрывом разрушить вражеские сооружения и сделать напрасными их усилия. Главным из минеров был Пьетро Микка²⁾, который, живым усердием и неутомимым трудом подчинясь приказанию командира, сумел снизу туда настолько продвинуться, что уже был проделан и налажен подкоп, для применения его оставалось лишь провести дорожку из пороха и, уходя, поджечь. Но вот по обвалу земли и по шуму обнаружилось, что враги стремятся разрушить его работу и помешать ему. Уже были они поблизости, и помедли он несколько минут, и все его усилия окажутся впустую. Что делать, однако, если у него едва хватило бы времени только на то, чтоб ретироваться и не попасть в их руки, а не на то, чтоб наладить нужные средства, при помощи которых он смог бы вдаль от подкопа учинить взрыв? Другого способа ему не оставалось привести все это в действие, как поджечь свою рукою непосредственно и на месте, подвергая себя опасности неиз-

¹⁾Граф Вирих Филипп Лоренц фон унд цу Даун, князь фон Теано (1669–1741) — австрийский генерал, особенно прославившийся описываемой в новелле обороной Турина.

²⁾Пьетро Микка / Пьер Миша (Pietro Micca / Pierre Micha, 1677–1706) по происхождению был пьемонтским крестьянином (сохранившийся родной его домик сделался местом паломничества патриотов, начиная с Дж. Гарибальди), работал деревенским каменщиком, затем поступил на военную службу рядовым солдатом, выполнял саперные и подрывные работы, получил прозвище Всепроникающий (Passapertutto). В ночь с 29 на 30 августа 1706 г. он совершил описанный в новелле подвиг. Это событие подробно описано уже в «Исторических сведениях об осаде, обороне и освобождении города Турина» Франческо Антонио Таризци [Tarizzi 1707, 63], в «Историческом журнале осады города и цитадели Турина. 1706 год» [Solaro della Margarita 1708, 118–120] начальника артиллерии Джузеппе Мариа Соларо делла Маргерита и сочинении Антонио Марии Метелли «Турин освобожденный и спасенный. Год 1706» [Metelli 1711, 252]. В 1958 г. были обнаружены ступени лестницы, на которой находился Микка и замурованной через несколько дней после взрыва. Это позволило уточнить происходившее в ночь на 30 августа 1706 г. В настоящее время на этом месте находится музей, посвященный осаде города и носящий имя героя. Напротив еще в 1864 г. был установлен памятник. В последние десятилетия традиционный образ Микки, для создания которого немало сделал Соаве, нередко подвергается переосмыслению. См. напр.: [Menietti 2003].

бежной гибели. Пьетро Микка, воспламененный живой любовью к Родине и к своему Королю, за это средство именно и ухватился и вместо того, чтобы позволить неприятелям, обратив в ничто его сооружение, отрезать от города единственную опору, которая еще оставалась, решает погибнуть с ними. Он немедленно велит товарищам возвращаться; «Попомните, — говорит он им жалобно, — препоручить отеческому сердцу короля моих нежных сыновей¹⁸; да будет он их покровителем и отцом; я радостно умираю за него». Засим с отважною душою приближается он к тому месту, где сокрыт был зажигательный порох, и фитилем, который у него был в руке, бесстрашно поджигает. Порох взрывается мгновенно со всей своей мощью, разверзается земля, сооружения врагов оказываются совершенно разрушены, многие из них погибли, а он с ними остался погребенным среди развалин.

Благородному поступку Микки был большею частью обязан Турин своим спасением. Он сгладил некоторым образом нападения противников, и те вновь предприняли их с таким промедлением, что неожиданно явился во спасение города с сильной армией принц Евгений¹⁾, который вскоре одержал над ними достопамятную победу. Заставил снять осаду и поспешно бежать.

Примечания

- ¹ Карло Беттони (1725–1786) — граф, просветитель, деятель культуры, естествоиспытатель и теоретик агрономии. Инициировал и покровительствовал многим проектам в сфере сельского хозяйства, науки и культуры.
- ² В последние годы с докладами о деятельности Соаве на конференциях в Санкт-Петербурге выступал итальянский исследователь М. Пизери [Пизери 2023].
- ³ Орден Сомаски возник в 1568 г. для заботы о больных, осиротевших и беспризорных детях. Назван по местечку между Миланом и Бергамо, где в 1532 г. трое священников учредили «Общество служения бедным» во главе с Иеронимом Эмилиани (1486–1537), основателем нескольких больниц и приютов в северной Италии. В 1767 г. он был канонизирован католической церковью, а в 1928 г. провозглашен покровителем сирот. Орден Сомаски несколько веков играл важную роль в истории не только итальянской, но и европейской педагогики в целом.
- ⁴ Маркиз Л. Г. дю Тийо (1711–1774) в 1749–1771 гг. фактически управлял Пармой при племяннике Людовика XV герцоге Филиппе и

¹⁾ Евгений Савойский, принц Кариньяно (1663–1736) — великий австрийский полководец.

- при его наследнике Фердинанде. Разделяя многие идеи философов-энциклопедистов, осуществил частичную секуляризацию церковных земель и доходов, изгнал иезуитов, упразднил инквизицию, учредил академию изящных искусств, публичную библиотеку, археологический музей, типографию для издания газеты; поощрял развитие ремесел, промышленности, торговли, строил дороги, мосты, каналы, внедрил картофель, окружил себя видными учеными и художниками; для воспитания юного герцога как просвещенного монарха пригласил знаменитого философа Кондильяка (1714–1780) [Nisard 1887, 28–108].
- ⁵ Соаве вошел в Делегацию начальных школ, перевел официальные документы, регламентирующие систему образования в стране, отправился обозревать училища в других австрийских владениях, населенных итальянцами. Посетить для пополнения опыта Францию ему помешали вести о начавшейся там революции.
- ⁶ В числе 30 избранных стал членом Национального института по классу нравственно-политических наук, принят в Итальянское ученое общество, назначен директором Национального коллегияума в Модене, а через год, не ужившись там, стал профессором в Павии; по заданию правительства участвовал в организации книжной серии «Итальянские классики».
- ⁷ Помимо упомянутых сочинений, оно включает пособия по нравственной философии, логике, метафизике, этике; основам арифметики, геометрии, механики, античной мифологии, библейской истории, итальянской и латинской грамматике; диссертацию «Изыскания о естественном просвещении общества и языка и о влиянии первого и второго на человеческие познания» (1772), представленную на конкурс Берлинской королевской академии наук и словесности; «Рассуждения об установлениях всемирного языка» (1774), где на роль такового выдвинут французский; «Начальный опыт о должностях человека»; переводы античных поэтов (Гомера, Гесиода, Вергилия, Горация), идиллий С. Гесснера, произведений английской литературы, которую Соаве и Аморетти популяризировали в Италии: лекции по риторике и изящной словесности шотландского богослова Х. Блэра, поэма Э. Юнга «Сила религии», главный труд Локка «Опыта о человеческом познании», под влиянием которого созданы педагогические трактаты Соаве, начиная с «Метода, коего следует придерживаться, чтобы найти истину и чтобы преподавать ее другим» (1775).
- ⁸ Здесь и далее везде перевод с итальянского автора статьи.
- ⁹ Упомянуты также апологи, авторство которых неизвестно, и французские тексты, сочинитель которых, вопреки правилам, назвал свое имя.
- ¹⁰ Оглядываться на жизненные примеры (лат.).
- ¹¹ Джироламо Падовани (1733–1803) блестяще окончил дворянский колледж в Брешии, вступил в орден иезуитов, учился в Ферраре, преподавал в иезуитских школах Венеции и Романии, с успехом проповедовал,

но оставил это поприще еще в юности из-за внезапно постигшей его сильнейшей глухоты, предался богословским занятиям, создал также много лирических стихов разных жанров и по местным масштабам признавался изысканным стихотворцем. Во время революции 1797 г. как иезуит выступил против якобинцев. Большинство его трудов не издано или напечатано посмертно.

- ¹² Шеридан Фрэнсис (1724–1766) — ирландская писательница и драматург.
- ¹³ Подробнее о нем см. в примечаниях к помещенному ниже переводу «Пожара».
- ¹⁴ 4 новеллы сочинил миланский доктор Аннибал Пареа, сведений о котором найти не удалось; 6 — дворянин из Пьяченцы Луиджи Брамьери (1757–1820) — адвокат, поэт, переводчик, критик.
- ¹⁵ См. напр.: Soave F. *Novelle morali*. Pavia, 1796; Milano, 1815, 1824, 1830, 1857; Firenze, 1822, 1834, 1851; Venezia, 1828, 1857; Brescia, 1837; Napoli, 1839.
- ¹⁶ См. напр.: Soave F. *Novelle morali*. Londra, 1796, 1809; Edinburgo, 1795, 1809, 1825, 1827, 1837, 1842; Lione, 1828; Nizza, 1787; Avignon, 1812; Marsiglia, 1833; Bruxelles, 1836; Parigi, 1796 (anno VII), 1801, 1812, 1823, 1826, 1833, 1839, 1845, 1846, 1857, 1863.
- ¹⁷ Подробнее о влиянии новелл Соаве на итальянскую школу и детскую поучительную литературу XIX в. см.: [Пизери 2023, 40–41].
- ¹⁸ Микка женился в 1704 г. и имел одного сына Джакомо Антонио (1705–1733), которому в момент гибели отца было около года. В 1707 г. вдова испросила у короля вспомоществование в размере двух хлебов в день, а в 1709 г. повторно вышла замуж.

Литература

Источники

Feller 1797 — Feller F. X. de abbé Dictionnaire historique, ou Histoire abrégée des hommes qui se sont fait un nom par le genie, les talents, les vertus, les erreurs, depuis le commencement du monde jusqu' a nos jours. 2-e éd. T. 1. Liege, Paris : De l'imprimerie de Fr. Lemarié, Libraire Rue-Sous-La Tour, 1797.

L R**** 1784* — L* R**** comte de. Éloge de messire Claude-Marc-Antoine d'Apchon, Archevêque d; Aûche, Primat de la Novempopulanie et de deux Navarres. S. I. 1786.

Metelli 1711 — Metelli A.-M. Torino assediato e soccorso anno 1706 dedicato all' altezza reale di Vittorio Amedeo 2 ... dall' abbate d. Antonio Maria Metelli di Brescia. Parma: per Paolo Monti, 1711.

Padovani 1824 — Padovani G. Racconti morali per la gioventù dell' abate conte Girolamo Padovani. Vol. primo [-quarto]. Milano: dai tipi di Pietro Agnelli in contrada di s. Margarita, 1824.

Padovani 1781 — Padovani G. Racconti morali per la gioventù. Al nobilissimo giovanetto signor Francesco Ugoni patrizio bresciano consecrati. In Brescia: per Pietro Vescovi, 1781.

Soave 1782 — Soave F. Novelle morali di Francesco Soave c.r.s. In Milano: presso Gaetano Motta, 1782.

Soave 1784 — Soave F. Novelle morali di Francesco Soave c.r.s.: Vol. secondo. In Milano: presso Gaetano Motta, 1784.

Solaro della Margarita 1708 — Solaro della Margarita G. M. Journal historique du siege de la ville et de la citadelle de Turin l'annèe 1706. 4th ed. Amsterdam : Chez Pierre Mortier, Libraire, 1708.

Tarizzi 1707 — Tarizzi F. A. Ragguaglio storico dell'assedio, difesa e liberazione della città di Torino. Torino : Per Gio. Battista Zappata, 1707.

Исследования

Грота, Плетнев 1896 — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1–3. Т. 2 / под ред. К. Я. Грота. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ., 1896.

Колюпанов 1889 — Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1–2. Т. 1. Кн. 1.: Молодые годы Александра Ивановича: Род Кошелевых. Очерк движения образования и преимущественно журналистики с XVIII столетия. Культурное значение Москвы. М.: О. Ф. Кошелевой, 1889.

Пизери 2023 — Пизери М. «Нравственные рассказы» Франческо Соаве. Художественная литература и формирование гражданина в австрийской Ломбардии // Номо loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира: сборник научных статей, докладов и переводов. Вып. 7 / сост. и ред. С. М. Капилупи, Д. В. Масленников, Н. С. Широглазова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2023. С. 37–41.

Потапова 1982 — Потапова З. М. Итальянская детская литература // Стеклова Ф. И. Зарубежная детская литература: Учебник для ин-тов культуры / сост. И.С. Чернявская. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. С. 68–88.

Giornale 1793 — Giornale della letteratura italiana: T. 1. P. 1. Mantova: nella regio-ducale stamperia, 1793.

Menietti 2003 — Menietti P. Pietro Micca nel reale e nell'immaginario. Torino: Il Punto — Piemonte in Bangarella, 2003.

Nisard 1887 — Nisard Ch. Guillaume du Tillot: Un valet ministre et secrétaire d'état épisode de l'histoire de France en Italie de 1749 à 1771. Paris: Paul Ollendorff, 1887.

References

- Giornale 1793* — Giornale della letteratura italiana: T. 1. P. 1. (1793). Mantova: nella regio-ducale stamperia.
- Grot, Pletnev 1896* — Peregiska Ya. K. Grota s P. A. Pletnevym. (1896). In 1–3 t. T. 2 [Correspondence of Y. K. Grota with P. A. Pletnev. (T. 1–3; t. 2)] (ed. by K. Ya. Grot). St. Petersburg: tip. M-va put. soobshch.
- Kolyupanov 1889* — Kolyupanov, N. P. (1889). Biografiya Aleksandra Ivanovicha Kosheleva: v 2 t. T. 1. Kn. 1.: Molodye gody Aleksandra Ivanovicha: Rod Koshelevykh. Ocherk dvizheniya obrazovaniya i preimushchestvenno zhurnalistiki s XVIII stoletiya. Kul'turnoe znachenie Moskvy [Biography of Alexander Ivanovich Koshelev: in 2 vols. T. 1. Book. 1 The young years of Alexander Ivanovich: The Koshelev family. Essay on the movement of education and especially journalism since the 18th century. Cultural significance of Moscow]. Moscow: O. F. Koshelevoy.
- Menietti 2003* — Menietti, P. (2003). Pietro Micca nel reale e nell'immaginario. Torino: Il Punto — Piemonte in Bangarella.
- Nisard 1887* — Nisard, Ch. (1887). Guillaume du Tillot : Un valet ministre et secrétaire d'état épisode de l'histoire de France en Italie de 1749 à 1771. Paris : Paul Ollendorff.
- Piseri 2023* — Piseri, M. (2023). Le “Novelle morali” di Francesco Soave. La novellistica e la costruzione del cittadino nella Lombardia austriaca. In Homo loquens: yazyk i kul'tura. Dialog kul'tur v usloviyakh otkrytogo mira (Sankt-Peterburg, 14 aprelya 2022 god) [“Homo loquens: language and culture. Dialogue of cultures in an open world.” Collection of scientific articles, reports and translations: International scientific and practical conference (St. Petersburg, April 14, 2022)] (Vol. 7; pp. 37–41). St. Petersburg: Izd-vo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii im. F. M. Dostoevskogo. (In Italian).
- Potapova 1982* — Potapova, Z. M. (1982). Ital'yanskaya detskaya literatura [Italian children's literature]. In F. I. Steklova Zarubezhnaya detskaya literatura: Uchebnik dlya in-tov kul'tury [Foreign children's literature: Textbook for the Institute of Culture] (2nd ed; pp. 68–88). Moscow: Prosveshchenie.

Nikolai Guskov

Saint Petersburg State University

ABOUT ONE OLD PRIZE FOR A BOOK FOR YOUNG PEOPLE

The article is devoted to a competition announced in 1776 in Brescia for the best short stories of a moral and educational nature, intended for teenagers from 8 to 14 years old. Using this competition as an example, the process of formation of a model for the functioning of children's literature, which was subsequently established and, in general, is still in effect, is considered. In the person of the founder of the prize, Count Carlo Bettoni (1725–1786), the society, which realized the need to create a special kind of literature for the moral and social education of young people, focused on the psychological characteristics and aesthetic needs of the young reader, encourages writers to such activities. Critics (in this case, a group of professors from the University of Padua) act as experts who evaluate the works of writers. The article examines the short stories of Francesco Soave (1743–1806), submitted to the competition and recognized as the best essay, traces his pedagogical and creative path, and reveals the innovation of his work addressed to children. The approach to creating texts for children by Soave's main rival, Girolamo Padovani (1733–1803), who took a more conservative position in relation to children's literature, is briefly characterized. The appendix contains short stories by Francesco Soave translated by the author of the article; these texts are published in Russian for the first time.

Keywords: Italian children's literature of the XVIII century, moral prose for children, short story, Francesco Soave, Girolamo Padovani, children's book contest